

1992 г.

П.А. ПЛЮТТО

А.А. БОГДАНОВ О НЕСОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(комментарии к одному докладу)

ПЛЮТТО Петр Александрович — научный сотрудник объединения Мосгорархив. В нашем журнале опубликовал в 1990 г. две статьи: «Документ, отражающий эпоху» (N 9), «А. А. Богданов „о военном коммунизме“» (N 11).

Известный русский философ, ученый и политический деятель А.А. Богданов (Малиновский) (1873—1928 гг.) был арестован ГПУ осенью 1923 г. по подозрению в принадлежности к группе «Рабочая Правда», следствие по деятельности которой в то время велось. «Мой арест, — писал Александр Александрович Е. А. Преображенскому 7 ноября 1923 г. — явился всецело результатом более чем трехлетней литературно-политической травли, при которой я оставался с зажатым ртом. В этой именно травле мои, ясно и не раз высказанные мысли были искажены и извращены до такой степени, что стало возможным приписать мне наивно-ребяческие статьи „Рабочей Правды“, резко расходящиеся с результатами моего анализа социальных условий эпохи. Огромного труда мне стоило разрушить, трехлетнюю клевету — чем я только и добился освобождения. Сам Дзержинский, человек безупречно искренний, имел обо мне понятие, основанное всецело на этой травле. Его «следователей мне удалось, по-видимому, убедить. Но работа клеветы от этого не прекратилась.

Мне известно, что в провинции недавно делались доклады, в которых говорилось о моей „подпольной борьбе" против Советской власти. Уже после освобождения до меня доходят слухи о моих связях с анархо-синдикалистами, о моих нелегальных сношениях с эмиграцией, вплоть до каких-то отношений к польской контрразведке — последнее со ссылками на одну статью в „Правде"!»¹.

На Международной конференции «А.А. Богданов (Малиновский) — революционер и мыслитель» (Москва, 1989 г.) английский исследователь творчества Александра Богданова Д. Биггарт отмечал: «...Группа „Рабочая Правда" утверждала, что в Советской России победила новая буржуазия, состоящая из представителей старой буржуазии и нарождающейся интеллигенции. В соответствии с „Рабочей Правдой", Коммунистическая партия превратилась в партию организаторов и директоров правительственного аппарата и экономической жизни, строящейся по линии капиталистической. ЦК и ЦКК, а также интеллигент Ярославский в своей статье в „Правде" в 1923 г. обвинил Богданова в том, что он является автором этой теории. Также в 1926 г. Бухарин в своей статье в „Большевике" говорил о Богданове и Базарове как авторах теории неизбежного бюрократического перерождения. И перерождения в техническую интеллектуальную бюрократическую формацию (теория формации бюрократической интеллигенции)»².

«Моя точка зрения состоит в том, — заключает Биггарт, — что Богданов никогда не формулировал такую теорию, по крайней мере, не напечатал ничего подобного. Но, может быть, неформально, в каких-то выступлениях или лекциях он приходил к таким выводам» [Там же].

Подобное выступление действительно имеется. Это неопубликованный доклад А.А. Богданова «Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания», прочитанный им на заседании Социалистической Академии общественных наук 24 мая 1923 г. Данный доклад А.А. Богданов упоминает в своей записной книжке в списке негативных реакций на его идеологические взгляды. Список этот помещен ниже следующего замечания: «1918—24. Постепенный переход от мышления револ[юционно]-демокр[атического] к бюрократическому]. Иллюстрация (мелкая): А.В. Л[уначарский] — „не у дел" по адресу А.Б[огданова]»³.

Необходимо сразу оговориться, что прямых откровений в рассматриваемом докладе мы не встретим. Продиктовано это не только степенью разработанности А.А. Богдановым концепции «среднего» класса, но и объективными обстоятельствами времени. Александру Богданову, безусловно, хватило бы мужества выступить против отдельных личностей, но против «сумерек эпохи» он был бессилен. В его записной книжке читаем: «Судьба новой концепции. Полустихийному коллективу приятнее „обман возвышающий", чем невеселая правда; приятнее считать своих вожаков-героев плотью от плоти своей, своими преданными слугами (разве не доказательство — героизм и убежденность? А превращения [далее зачеркнуто: героев во врага [в]] героев не кажутся аргументом для чувства); и совсем неприятно - знать, что цепь самоотверженных боев объективно сводилась к борьбе за смену господина»⁴. Богдановская концепция роли «технической интеллигенции» периода мирового военного кризиса, вызвавшая столь острые и продолжительные прения по упомянутому докладу, высказана в нем вскользь и намеком. Иллюстрации взяты из истории Англии, Германии, Франции, Норвегии... И все же речь в первую очередь идет о России. Всякий, кто хотя бы отчасти знаком с личностью А.А. Богданова, подтвердит, что он не мог устраниваться от осмысления не только происходящих здесь событий, но и от тех мировых глубинных социально-экономических процессов, которые сделали их возможными.

«Тему настоящего доклада, — начинает свое выступление Богданов, — составляют характеристика и оценка с общественно-научной точки зрения тех тенденций, которые появились в естествознании за последние, примерно, 8 лет, начиная с 1914 года, то есть с начала великого мирового кризиса, который продолжается и до сих пор»⁵.

«Эти годы, — отмечал Богданов, — были годами прежде всего великого крушения, огромного разрушения производительных сил и средств. В то же время это была эпоха интенсивнейшего прогресса технических и естественно-научных знаний. Глубина, и серьезность творческих сдвигов за этот короткий период превосходит все, что когда-либо было видано

в прошлом за подобные непродолжительные промежутки. Из этого следует, конечно, что не надо так механично рассматривать естествознание, как отражение производительных сил, идеологией которых оно несомненно является» [Там же, л. 14].

Остановившись на последнем замечании А.А. Богданова, нужно сказать, что весь его доклад, безусловно, построен на тех основах исторического материализма, которые он — один из самых искренних марксистов в России — разделял по убеждению. Поэтому доклад, очевидно, также может быть прочитан «марксистским» методом расщепления на «подлинное и ложное сознание» автора в смысле поправки на его убеждения. Это целиком относится и к выводам по докладу.

Рассмотрим их несколько подробнее. «Теперь перейдем к выводам, к социально-научной оценке, отмеченной в тенденции научной техники, и на ее основе — естествознания. Какая социальная группа является непосредственным двигателем этой научной техники естествознания? Это та группа, которую я назвал технической интеллигенцией — инженеры, техники, врачи, профессора, естествоиспытатели и т.д., — это часть более широкой социальной группы, которую можно назвать организаторской интеллигенцией вообще. Сюда относится интеллигенция политическая, адвокатская, чиновничья, финансовая, учетная и т.д. Техническая интеллигенция представляет особенный в наше время социальный авангард общеорганизаторской буржуазной интеллигенции. И вот эта группа, благодаря объективным условиям войны и разрухи и обостренной классовой борьбы, оказалась в новых условиях... Раньше эта социальная группа была чисто служебной, на службе у капитала, и никаким особым классом она не выступала — классом не была, а между тем в производстве она занимает определенное положение. И если мы берем основной определенный класс, как группу, занимающую определенное положение в производстве, то мы можем сказать, что она была классом „ан зих“, сама по себе, но не была, не становилась классом для себя, классом была сознающим, или хотя бы стремящимся себя сознавать. Положение ее в производстве таково, что оно расходится и с положением пролетариата в собственном смысле этого слова, и с положением буржуазии... Так вот, так было, но теперь оказалось, что старое хозяйство, которому техническая интеллигенция служила верой и правдой и служила достаточно для себя успешно, привело всю буржуазную систему, и в том числе и эту интеллигенцию, на край пропасти, к глубокому, жестокому крушению, причем в этом крушении особенно плохо пришлось как раз этой технической интеллигенции, особенно плохо потому, что она была наименее организована, и что когда общая разруха повела к общей скудости, нищете, к жестокому сокращенному распределению, то даже пролетариат, особенно его квалифицированные слои оказались в гораздо лучшем положении, чем эта стоявшая над ним техническая интеллигенция. Ее оплата понизилась в относительно гораздо большей степени, и ломка жизненных условий для нее оказалась более тяжелой. Нет ничего преувеличенного в карикатурах 18—19 годов, в которых немецкий рабочий на предложение ему 500 марок (я не знаю, сколько тогда в месяц представляло 500 марок, это величина, конечно, малая) отвечает: „Я не какой-нибудь инженер или интеллигент, чтобы мне столько платили“» [Там же, л. 26—28].

Особенно замечательно, на наш взгляд, выделение А.А. Богдановым среди прочих тенденций эпохи двух: тенденции к монизму, всеобщности, целостности, с одной стороны, и к «автаркии» — самозамкнутости — с другой. В выводах к докладу обе они наполняются конкретным — по отношению к новому социальному образованию — смыслом: «..Тенденция к монизму, к целостности вообще необходимый элемент в выработке самостоятельной идеологии какого-нибудь класса, ибо без этой целостности идеология не может отдифференцироваться от другой, которой она прежде была подчинена, которая прежде над ней тяготела, в данном случае от идеологии, собственно, старой буржуазии. Итак, — заключает Богданов, — меньше сознательно, больше, кажется, бессознательно, но эти тенденции означают стремление технической интеллигенции к самостоятельной организаторской роли, к захвату власти над общественным хозяйством, над общественной системой. В какой же форме эта роль возможна? Она, конечно, невозможна в старой форме с господством акционерно-рантьевого капитала финансового, она тяготеет к национально-государственному капитализму не в своей форме, которую мы наблюдали во время войны, а в новой, которая намечается и вырабатывается, именно она тяготеет к национально-

государственному капитализму с устранением власти финансового капитала, причем для тяготения именно к этой форме характерна одна нами отмеченная тенденция, тенденция к автаркии. Тенденция к автаркии — самостоятельности государственно-национального хозяйства во всем ее масштабе, конечно, предполагает именно национально-государственную организацию в целом, потому что она не осуществима в формах старого финансового капитализма» [Там же, л. 29—30].

Второй том третьего издания богдановской «Всеобщей организационной науки (Тектологии)» имеет приложение «Наука и рассуждательство», отсутствующее в предыдущих изданиях. Здесь помещен ответ А.А. Богданова на критику Н. Карева «Всеобщей организационной науки» в трех статьях «Тектология или диалектика», опубликованных в журнале «Под Знаменем Марксизма» в пяти первых номерах за 1926 г.: «По своему званию марксиста, а тем более истинного, наш рассуждатель обязан, разумеется, изыскать, чьей же идеологией является обличаемая организационная наука. Оказывается — чьей же? „Мелкой технической интеллигенции" (Под Знамен. Марксизма", N 4—5, стр. 42). Давно ли всем было известно, что говорить „технической интеллигенции" — верный признак уклона в богдановщину. (Кажется, и на самом деле этот термин введен мною. Но не ручаюсь)»⁶.

Конечно, в отличие от термина, сама идея о власти «технической интеллигенции» родилась давно, на что, кстати, и поспешили указать А.А. Богданову присутствовавшие на его докладе Л.Н. Крицман, А.Л. Волынский (Флексер) и др. участники прений.

Но Богданов говорил не об этом. Он говорил о той определенной случайности, которая произошла в России в октябре 1917 г. благодаря войне, и которой, следовательно, могло и не быть. Случайность эта, однако, по Богданову, явилась следствием вполне определенного всеобщего закона. Речь идет о законе Ле Шателье в его приложении к социальной сфере. Тут необходимо, видимо, особо подчеркнуть несводимость общественной жизни к естественно-научным законам, в чем, очевидно, можно будет упрекнуть А.А. Богданова. Попытаемся, однако, рассмотреть его анализ с точки зрения определенного полезного толчка для дальнейших гипотетических построений.

Присутствует здесь, впрочем, и отмеченная уже нами сложность. А.А. Богданов говорил, по причине отмеченных «сумерек эпохи», «между строк»: «...Я хотел бы просить Ал. Ал-ча объяснить, — вопрошал член Комакадемии, О.А. Ерманский, — в каком смысле [и что] он понимал под теми фактами, которые он изобразил, говоря о законе Ле Шателье, относительно равновесия. Я повторяю, это не оформлено, это было сделано Ал. Ал-чем вопреки его обыкновению...»⁷.

Закона Ле Шателье в своем выступлении Богданов касается дважды — в интересующем нас выводе ко всему докладу и приводя примеры к формулировке этого закона: «Закона Ле Шателье нам придется опять коснуться, поэтому я его формулирую. Закон равновесия относится к определенному типу систем, которые так и называются системами равновесия, и эти системы характеризуются тем, что если на них производится какое-нибудь воздействие извне, которое, значит, их изменяет, то в них возникают изменения, стремящиеся противодействовать, ослабляющие это внешнее воздействие... Так вот, исходя из этого основного закона, я и беру его основную линию» [Там же, л. 23].

«Ослаблению производительных сил, вызванному разрушительными воздействиями великого кризиса, противодействует тенденция к их подъему на высшую ступень, и все рассмотренные нами черты развития научной техники и естествознания за эту эпоху, все они представляют сплошное противодействие общественной системе, этому процессу разрушения производительных сил. А из этого следует, что общество, не только в своей материальной жизни, но и в своей интеллектуальной, в данном случае в своем научном сознании, принадлежит к типу систем Ле Шателье, систем равновесия, т.е. на внешние, изменяющиеся воздействия реагирует такими свойствами изменений, которые этому противодействуют» [Там же, л. 31].

Иными словами: «Суть дела в том, что война ухватила то, что нужно, и развила это» [Там же, л. 61].

Таким образом, определенные указания партии большевиков на собственную избранность в деле спасения России из кризиса были по-своему вполне обоснованы. Только большевизм в период великого военного кризиса мог реально «технически организовать» возврат

страны от отношений намечавшейся «вещной зависимости» к отношениям «зависимости личной», т.е. феодальной, столь еще психологически близкой самым широким слоям. «Без сомнения, — пишет в „Правде“ в 1923 г. бывший член ЦК меньшевиков С. Семковский, — меньшевики в своей политике в революции — да и эсеры субъективно — руководствовались не стремлением сыграть на руку контрреволюции, а лишь стремлением „реалистически“ обеспечить „безболезненный“ путь развития революции. Но этот „реализм“, помимо всего прочего, оказался как раз чистейшим иллюзионизмом. Безболезненная революция — это деревянное железо. Меньшевизм начертал великолепнейшую тактику применительно к революции, „как она должна быть“. Большевизм явился выразителем русской революции, как она есть»⁸.

В докладе А.А. Богданов только поставил проблему определяющего влияния мировой войны, но не решал и не решил ее, открыв свободный простор для толкований. Толкования же были самыми разными, порой неожиданными. Вот, например, интерпретации этой проблемы в прениях по докладу. «Волынский: ...Существует ли в действительности сейчас идеология), которая имела бы своей конечной целью даже захват власти над всем человеческим обществом? Вот в поддержку этой точки зрения, не в критику ее, а только в указание, что такая идеология существует, я хотел привести следующее. Один из идеологов этой интеллигенции, английский романист Уэллс недавно опубликовал два романа. Один из них называется „Тайники сердца“ и, кажется, еще на русский язык не переведен, а другой называется „Богopodobный“, в довольно неверном переводе назван „Яко боги“ и напечатан в „Красной Ниве“. Мне пришлось переводить этот роман и вникнуть в ту основу, которая в него вложена, и я нахожу, что тов. Богданов совершенно правильно констатировал такое явление.

...Я прошу обратить внимание на одну разницу, которая несколько расходится с той идеологией⁹, о которой говорил тов. Богданов. Он настаивал на том, что идеология этой интеллигенции действительна в национальном масштабе. В данном случае в этом романе этот национальный масштаб устранен, но это потому, что Уэллс, помимо того, что он является идеологом мелкобуржуазных классов (он бывший фабианец), прошел большую школу марксизма, хотя он и отвергает основы марксизма, но элементы национализма он устраняет... Там ставится определенная идея, правда, через эти тысячи лет, — это по-уэллсовски, — что через три тысячи лет, когда вообще никакой власти не будет, но поскольку будет организация общества, то эта организация будет находиться в руках специалистов, которым общество без всякого насилия подчинится, просто потому, что они будут спецами в своей области...

Те признаки грядущего захвата власти интеллигенцией, которые нарисованы здесь, в идеологии интеллигенции, нарисованы тов. Богдановым, эти признаки имеются и у нас налицо. И у нас имеет определенную популярность Н.Т.О., у нас „тейлоризм“, который мне лично пришлось испытывать лет 12 тому назад, когда „тейлоризм“ впервые появился и был анафемой. Он встречается довольно приемлемо, а между тем, я должен сказать, что в некоторых государствах против „тейлоризма“ и сейчас объявляются забастовки — за простое покушение введения тейлористической системы в больших мастерских. Тут у нас проходят три пункта, на которые указал тов. Богданов. Изучение природных богатств — разве сейчас это не является у нас «*idée — fixe*» — именно это изучение природных богатств? Если исходить из этих основ, то надо признать, что мы здесь встречаемся с некоторыми автаркическими идеологиями, в чем никто не станет обвинять руководителей нашей и хозяйственной, и общественной, и научной жизни. Я хотел обратить на это внимание для того, чтобы в будущем об этом было указано»¹⁰.

Более глубокой предстает интерпретация В.А. Базарова: «...Несомненно, доклад, который был прочитан, как всегда, когда доклад охватывает очень большую тему, он кое-что непременно должен схематизировать. Ясное дело, что этот процесс начался не только во время войны, а предшественники ему были и раньше, и до войны, и понятно, что теперь, после войны, в период военного кризиса, он не мог бы быть и не должен был быть закончен. Это есть самое сложное — оформление социальных группировок, в которых могут быть периоды отчетливого сознания и реакции, затем новое движение вперед и т.д., так что вовсе не обязательно, чтобы в самое последнее время это наиболее отчетливо проявилось... Это значит, что есть какие-нибудь причины, которые не дают этому новому сознанию

равномерно развиваться, и меня поражает вывод тов. Ерманского. Он говорит, что сам наблюдал и читал, и ничего в результате не видел. У нас в Соц. Академии не надо и в Германию ехать. Есть такие две полки и там есть до 200—300 книг, которые все толкуют на эту тему — о планомерной организации общественного производства... Когда я знакомился с этой литературой, меня поразил этот факт, что нет ничего удивительного в том, что известные слои интеллигенции близки к общественным, классовым эволюциям пролетариата, они служат в качестве спутника пролетариату, когда он захромает, особенно в революционных формах» [Там же, л. 49]. В.А. Базаров говорит об «инициаторах идеи планомерной организации»: «Возьмем группу этих интеллигентов. Во-первых, Ратенау, который впервые создал тип организации военного государственного капитализма, в результате которого появился наш военный коммунизм... Рудольф Гильфердинг... Ему казалось, что методы финансовых организаций, которые банк применяет, должны быть использованы... Германский инженер А.Р., который не был с[оциал]-д[емократом] и большевиком, но готов был с ними работать, он входил с комитетами в соглашение и очень удачно готов был применить эту систему. Это течение, стало быть, проявлялось достаточно ярко, и эта интеллигенция работала везде, были даже министры Баварского правительства. Это, несомненно, очень яркое явление, гораздо более яркое, чем отражение известных романов, которые можно разно толковать. В остальном в новейшее время вы не найдете такого проявления. Несомненно, что здесь, следовательно, такое мировоззрение имеется. Как и когда оно может сложиться, и в состоянии ли интеллигенция выполнить эту роль господствующего класса нового общества — это решение вопроса, которого докладчик, по-видимому, не решил, и, по-моему, решение которого остается в качестве проблемы, проблем автаркии на почве национальной фактической возможности» [Там же, л. 49—50]:

Еще в январе 1918 г. Богданов пытался предупредить неверное толкование его понимания «нового большевизма» с помощью «избитых фраз о мелкобуржуазности, которых я всегда особенно избегал»¹¹.

Это не мешает Л.Н. Крицману расставить точки над «i»: «А. А. закончил свой доклад указанием на то, что в результате исследования закон Ле Шателье совершенно оправдывается. Я в данном случае воспользуюсь тем указанием, которое сделал сам докладчик, что в настоящее время вопросы науки не ставятся фетишистически, а что вообще теперь уже явно выдвигается их социальное значение. И, вот, если мы с этой стороны подойдем к докладу, то это социальное значение, не будучи ясно выражено, не будучи высказано до конца, оно, тем не менее, совершенно очевидно. Оно заключается в том, что на смену прежнему господствующему классу, классу капиталистов, выдвигается новый класс, и имя этому классу „техническая интеллигенция“. Эта схема, конечно, не возникла сегодня впервые, а, как все в истории, имеет своих предшественников. Примерно в 90S году была книга Новомирского, а до этого аналогичную теорию развивал Махальский, о том, что вообще социализм не есть классовая идеология пролетариата, а что это есть классовая идеология буржуазной интеллигенции и что осуществление социализма именно ее и поставит у власти. Это есть то реальное содержание доклада, которое не было высказано с полной определенностью, не было подчеркнуто, ибо оно все-таки было высказано, и, разумеется, в этом основное значение его, а не в том, что оправдывается закон Ле Шателье»¹².

В действительности А.А. Богданов никак не связывал нахождение у власти «технической интеллигенции» с социализмом: «Тов. Крицман, — отвечает он оппоненту, — прежде всего, совершил по отношению ко мне некоторую несправедливость, приписав мне солидарность с точк[ой] зрения монизма, который сам формулировал так: осуществление социализма поставит у власти техническую интеллигенцию. Я думаю, если бы техническая интеллигенция была поставлена у власти, этого бы не было, если ее тенденция такова, чтобы стать у власти, то нет тенденции к осуществлению социализма» [Там же, л. 60].

О несоциалистическом характере Октябрьской революции А.А. Богданов говорил уже давно. Однако его собственные идеалы и мысли о будущем нам приходится лишь угадывать сквозь преломляющую толщу критики.

4 января 1923 г. Я. Яковлев писал в «Правде»: «На днях в клубе московского университета с политической речью по вопросу о „пролетарской культуре“ выступил гр. Богданов. К тому же приблизительно времени относятся тезисы Богданова по тому же вопросу...

Богданову, как представителю интересов тех кругов мелкой буржуазии, которые не прочь превратить пролетариат в орудие своей политики, нельзя отказаться, конечно, от социалистической революции и на словах. Поэтому, разъяснив нашу революцию, как революцию несоциалистическую (ведь, это же все мы только выдумали, будто 90 проц. промышленности в руках рабочего класса), Богданов ведет речь о настоящей, „действительной” пролетарской революции.

Придет пора и после разочарований рабочего класса всего мира в коммунизме, после ликвидации нынешней эпохи, эпохи Коммунистического Интернационала, после периода власти нового руководящего класса „буржуазной интеллигенции — технической и чиновничьей” (это уже собственная идея Богданова, не у Мартова заимствованная, на которую, несомненно, патент в обществе изобретателей Богданову может быть выдан ничем не ограниченный), — наступит новый период...

В своей речи в Московском университете Богданов говорил прямо о новой форме рабочего движения, новом методе не только боевой, но и строительной работы, не только партии, но и всего пролетариата, причем, конечно, связь с коллективом, с пролетарской массой воплощается именно в пролетарской культуре. Свою позицию он подкреплял позицией каких-то английских социалистов, высказывающихся за три формы рабочего движения и за три Интернационала: „Интернационал политический, Интернационал экономический и Интернационал культурный”...

8 клубе Московского университета Богданов подробно рассказывал о том, как в 1909 г. в Каприйской школе родилась идея пролетарской культуры. Он тут же прочел соответствующую выписку из декларации его группы в 1909 г., где под предлогом борьбы с индивидуализмом очень многих деятелей, их личным честолюбием, стремлением выдвинуться, нетерпимостью к товарищеской критике организовалась расколничья группа против большевизма. И, дальше, через эпоху „Правды”, войны и революции, когда создался Пролеткульт с Пролетарским университетом, к эпохе нэпа, когда коммунисты стали видеть „в Пролеткульте угрозу своему руководящему положению”. Конечно, перед лицом такой угрозы едва ли что-либо останется от идеи пролетарской культуры в России. Отсюда основные надежды на западное пролеткультовское движение, которое растет пока медленно, но зато на гораздо более прочном базисе».

Относительно периода Каприйской школы, к которому апеллировал А.А. Богданов в своей речи, читаем в его записных книжках: «1908—1910: **борьба за единое личное** руководство. Объективная неизбежность и реальная полезность этого некрасивого эпизода. Был ли «он» прав? Или другая сторона? Две истины разного поля»¹³. «В то время, к своему счастью, я не понимал этого (специального за единоличное руководство) смысла борьбы, иначе не уступил бы под первым предлогом, полагаясь на истину и будущее» [Там же, л. 41].

В качестве «коллективиста» А.А. Богданов одним из первых, в отличие от многих «реальных» политиков, увидел, как «из головы» «старых вождей социализма» рождается «нечто с железным лицом».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ЦПА ИМЛ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 63. Л. 9—10.

2 Стенограмма Международной конференции «А.А. Богданов (Малиновский) — революционер и мыслитель» (Москва, 10—11 апреля 1989 г.). Выступление Д. Биггарта 11 апреля 1989 г. С. 145-150. Машинописный экз. (Мосгорархив).

3 ЦПА ИМЛ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 42 об.

4 Там же. Д. 48. Л. 46.

5 Архив АН СССР. Ф. 350. Оп. 2. Д. 14. Л. 13.

6 Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Т. 2. Л.-М., 1927. С. 258-259.

7 Архив АН СССР. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4. Л. 45.

8 Семковский С. Уроки революции // Правда. 1923. 11 нояб.

9 Стенограмма не правлена, поэтому здесь и далее возможны обороты и ошибки устной речи.

10 Архив АН СССР. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4. Л. 37—39.

11 ЦПА ИМЛ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.

12 Архив АН СССР. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4. Л. 32.

13 ЦПА ИМЛ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 44 об.